

УДК: 33.338

ISSN: 2542-0259
© Российское конкурентное право
и экономика, 2019

Теоретические основы государственной антимонопольной политики: вопросы философских и экономических учений

А. Н. Голомолзин,
ФАС России,
г. Москва

Аннотация

В статье с позиций философии и экономической теории конкуренции рассматриваются вопросы научной обоснованности государственной антимонопольной политики. Обосновывается необходимость гармоничного использования при формировании и реализации такой политики ценностных установок и философии «живой» жизни, фундаментальных экономических учений, новых тенденций и идей государственного регулирования экономики, в том числе с использованием правовых механизмов.

Автор исходит из того, что разделение труда является сущностью общества. Осознание этого факта позволяет преодолеть противоречия в интересах индивидуума и общества.

Отмечается, что в современном индустриальном мире цифровая трансформация стирает границы между международными, оптовыми и розничными рынками, онлайн- и офлайн-торговлей. Построение бизнеса на основе цифровых платформ, пулов прав интеллектуальной собственности, технологий адресного маркетинга — с одной стороны, и трансформации психологии потребителей — с другой, создают принципиально новые условия для балансировки спроса и предложения. Цифровая экономика создает качественно новые возможности для развития экономики, но не должна превращаться в «цифровую руку рынка». Государства и компании способны двигаться за пределы «обработки данных» к «обработке реальности», что создает потенциальную угрозу фундаментальным правам и свободам граждан.

В связи с этим существенно возрастает роль научной обоснованности государственной антимонопольной политики, ошибки в формировании и реализации которой могут слишком дорого обходиться обществу.

Ключевые слова: конкуренция, государство, интеллектуальное регулирование, философия хозяйства, цифровая экономика, право, мораль.

Theoretical bases of state antimonopoly policy: questions of philosophical and economic doctrines

A. N. Golomolzin,

FAS Russia,
Moscow

Annotation

The article deals with the issues of scientific validity of the state Antimonopoly policy from the standpoint of philosophy and economic theory of competition. The necessity of harmonious use in the formation and implementation of such a policy of values and philosophy of "living" life, fundamental economic doctrines, new trends and ideas of state regulation of the economy, including the use of legal mechanisms.

The author proceeds from the fact that the division of labor is the essence of society. Awareness of this fact makes it possible to overcome contradictions in the interests of the individual and society.

It is noted that in the modern industrial world digital transformation blurs the boundaries between international, wholesale and retail markets, online and offline trade. Building a business on the basis of digital platforms, intellectual property rights pools, targeted marketing technologies on the one hand, and the transformation of consumer psychology on the other, create fundamentally new conditions for balancing supply and demand. The digital economy creates qualitatively new opportunities for economic development, but should not turn into a "digital hand of the market". States and companies are able to move beyond "data processing" to "reality processing", which poses a potential threat to the fundamental rights and freedoms of citizens.

In this regard, the role of scientific validity of the state Antimonopoly policy in the formation and implementation of errors, which can be too expensive for society, is significantly increasing.

Keywords: competition, government, intellectual regulation, economic philosophy, digital economy, law, morality.

Государственную антимонопольную политику, под которой автор понимает политику защиты и развития конкуренции, необходимо проводить с предварительной подготовкой, системно и последовательно. Вопросы защиты и развития конкуренции являются важными для экономического развития. Решать их нужно, опираясь на непреложные истины и учитывая новые парадигмы. Эта проблематика не может ограничиться анализом положений антимонопольного законодательства, направлений его совершенствования и правоприменительной практики. Новейшие технологические изменения ставят перед нами новые задачи и в области формирования и применения права в целом, а не только отдельных его отраслей. Ситуация в мировой и национальной экономике в условиях масштабного развития инноваций, особенно в информационной сфере, заставляет по-новому осмысливать и подходы в сфере экономического анализа, и ситуацию на рынках.

В обзоре, подготовленном П. Потаповой [1], делается вывод о том, что отличительной особенностью современной жизни стало клиповое мышление. С изобретением книгопечатания расширились процессы систематизации мышления, получили развитие способности выявлять причинно-следственные связи, а затем и делать научные открытия, что в совокупности позволило человечеству перейти из Средневековья в Новое время, считает М. Маклюэн [2]. Вместе с тем с появлением газет короткие сообщения послужили началом формирования фрагментарного восприятия реальности. Э. Тоффлер заметил, что информация все чаще предстает в виде визуальных образов — клипов, то есть в виде, не требующем от человека ни воображения, ни осмысления. Логическая цепочка при этом не выстраивается, с каждой новой порцией информации происходит перезагрузка, из-за этого увиденное ранее не откладывается в памяти [3]. По подсчетам Д. Левитина, с 2005 по 2015 г. человечество создало 300 экскабайтов (300 млн терабайтов) данных, что равно шести триллионам романов «Война и мир». Темп жизни требует от нас не запоминать, а быстро ориентироваться в информационных потоках [1].

Клиповое мышление в той или иной степени присуще всем людям с «цифровым» образом жизни. Конкурируя за наше внимание, соцсети и сервисы часто побеждают более традиционные средства потребления информации. Тем более что они специально запрограммированы на это, в интерфейсе есть множество ловушек внимания: от ярких уведомлений до всплывающих окон. В результате человеческий мозг приспосабливается считывать информацию очень быстро без ее анализа. Сам процесс систематического познания становится менее интересен, потому что не всегда видны логические взаимосвязи в получаемой информации. Еще одна проблема — молодые люди часто не дослушивают до конца и принимают решения на основе неполных данных. При

активном пользовании соцсетями или систематическом «зависании» у телевизора представители всех поколений (а не только молодежи) могут приобретать «клиповое мышление». Но человеку необходимо тренировать память и развивать системное мышление, если он хочет получить фундаментальные знания и состояться в профессиональном плане, считает С. Докука [4].

Соответственно, каждый раз, когда от имени ФАС России пользователю сайта Службы предлагается «кликнуть» новую ссылку¹, важно, чтобы за этой ссылкой скрывалась полезная для читателя информация, которая бы не только учитывала, но и развивала его интеллектуальные возможности. Уже в силу того, что правоприменение (в том числе антимонопольное) основано не только на «толстых книгах» периодически обновляемых законов и комментариях к ним, но и на сложных умениях и навыках их правильного толкования, клиповое мышление не помогает в решении конкретных задач. Или системная подготовка, или проиграешь.

На одной из ежегодных конференций газеты «Ведомости» (традиционно собирающей представителей законодательной, исполнительной и судебной власти, а также ведущих юристов и экономистов, представителей корпораций) по проблемам антимонопольного регулирования (31 октября 2016 г.) была заявлена приверженность интеллектуальному регулированию². Но одного умения следовать выбранным алгоритмам в современном богатом данными мире недостаточно. Обращаясь к основам философских построений В. С. Соловьева, мы должны быть уверены, что используем «цельное знание», которое вместе с «цельным творчеством» образует в «цельном обществе» «цельную жизнь». Он говорил, что свое положительное значение и цену все частные формы и элементы жизни и знания получают тогда, когда все они будут необходимыми органами одной цельной жизни. Для этого необходимо создать условия, чтобы «воля и ум людей вступили в общение с вечным и истинно сущим» [5]. «Эко завернул», — сказали бы с неприятием приверженцы клипового мировоззрения общества потребления. «Мудрено, но непонятно», — возможно, присоединилась бы к ним часть целевой аудитории сайта ФАС России. И это при том, что примерно половину ее составляют респонденты в самом расцвете способности к познанию (в том числе в экономической теории и юриспруденции).

В целях формулирования системных подходов в формировании и проведении антимонопольной политики постараемся оценить историю, практику и перспективы экономического развития на очередном этапе смены тех-

¹ Автор благодарит руководителя пресс-службы ФАС России Ирину Кашунину за обсуждения вопросов адвокирования конкуренции во всех его формах.

² См.: <https://events.vedomosti.ru/events/anti16>. Дата обращения: 21.04.2019.

Теоретические основы государственной антимонопольной политики...

нологических укладов. Делать это будем исходя из понимания базовых ценностных установок и философии живой жизни, основываясь на фундаментальных экономических учениях и улавливая при этом тренды и новые концепции, осознавая базовые принципы и изменения в государственном управлении (регулировании), оценивая, насколько последовательно выстраивается и развивается система законодательства.

Философия хозяйства и экономические учения [6]

Начнем наше исследование с обращения к одному из универсальных источников знаний — к отечественной философии. Почему именно русская мысль? Со времен В. С. Соловьева, корни «цельного знания» которого не только русские, не только западноевропейские — они всемирные, русская философия не пропустила мимо себя ничего значительного, что дало человечество в философских исканиях. И в то же время, по В. В. Зеньковскому, отличительной особенностью русской философии является включенность познания в наше отношение к миру, в наше «*действование*» в нем [7]. Особенностью русской философии является не только логика идей, но и ответы на запросы русской жизни — невозможность «разделять» теоретическую и практическую сферы. Философия в смысле отвлеченного, исключительно теоретического познания окончила свое развитие и перешла безвозвратно в мир прошедшего, считал В. С. Соловьев [5].

Философы «мысли придают большее значение, чем действию». Сократ «от обожания идолов перешел к обожанию идей, и это обожание в Платоне перешло в решительное отделение мысли от дела». Поэтому мы «присутствуем при смерти философии», писал Н. Ф. Федоров. Он считал, что к истории нужно относиться не «объективно», то есть безучастно, не «субъективно», то есть с внутренним лишь сочувствием, а «прективно», то есть превращая знания в «проект лучшего мира». Без этого «знание принимается за конечную цель, дело «заменяется миросозерцанием», и перед нами — чистая «идеолатрия, или культ идей» [8]. «Вся природа одушевлена, вся жива в целом и в частях... энергия вещей втекает в другие вещи, каждая живет во всех, все в каждом», — писал о. Павел Флоренский. Он считал, что «из области понятий надо нам выйти в сферу живого опыта» [9].

Спустя сотни и сотни лет работы лучших умов в России сформировалось цельное миропонимание: речь идет о синтезе разных тем, переходящих одна в другую, возможность внутреннего соединения которых и образует «ядро» всякой софиологии, которая для русской философии имеет *решающее* значение. В. В. Зеньковский писал, что это учение связывает личность с мировым целым гораздо глубже, чем это определяется естествознанием.

У В. С. Соловьева софиологическая тема входит в теснейшую — и по существу, и в терминологии — связь с идеей «всесоединства», — и здесь В. С. Соловьев оказал огромное влияние на русскую мысль. Эта тема нашла отражение и развитие в трудах Н. О. Лосского, братьев С. Н. и Е. Н. Трубецких, творчестве Л. П. Карсавина, С. Л. Франка, о. Павла Флоренского, о. Сергея Булгакова, В. И. Вернадского.

Доверие к отечественной философской системе для целей нашего исследования дополнительно основывается еще и на том, что в центре ее внимания находятся вопросы хозяйственных отношений. С. Н. Булгаковым издан фундаментальный труд «Философии хозяйства» [10], хозяйственность есть в «Философии общего дела» Н. Ф. Федорова [8]. Последний ставит задачу создания космического хозяйства, регуляции всей природы, победы над смертоносными ее силами, выявляет пределы хозяйственной деятельности человека. Н. А. Бердяев утверждал, что хозяйство — это организм разнокачественного, иерархического строения, а не коллектив однокачественного, механически уравненного строения, это взаимодействие рациональных и иррациональных сил [11]. Имеются два знания — отвлеченное знание о предмете, выражаемое в суждениях и понятиях (знание вторичного порядка), и — непосредственная интуиция предмета в его метаэтической цельности и сплошности (знание первичное) и данности их обоих в неразрывной целостности, писал С. Л. Франк [12]. Более того, философские построения нашли воплощение в масштабных проектах на практике. К примеру, космогоническая философия Н. Ф. Федорова положила начало освоению космоса, труды В. И. Вернадского оказали решающее влияние на развитие геологии и производительных сил, включая атомную энергетику, П. А. Флоренский участвовал в создании системных научных основ развития электрификации³.

Консервативный либерализм

Есть некоторые вопросы, которые так или иначе ассоциируются с предпринимательской деятельностью и при этом имеют неоднозначные трактовки. К ним относится полярное отношение к либерализму как к явлению в целом. Вызывает вопросы упрощенная гипотеза о том, что свобода предпринимательства основана на философии экономического индивидуализма. Еще одна системная проблема состоит в том, что сложные вопросы экономического развития пытаются решить упрощенными формулами или формулировками, основанными на оторванных от реальной жизни абстракциях.

³ В 1921 г. вел исследовательскую работу в Главэлектро ВСНХ РСФСР, а затем в ГОЭЛРО. В 1930 г. назначен помощником директора Всесоюзного электротехнического института по научной части.

Свобода — пожалуй, нет ни одного другого понятия, вокруг которого было бы сломано столько копий, когда переход от его фетишизации к полному отрицанию совершался бы столь же быстро и многократно. Между тем — это краеугольное философское и духовное понятие, значимое и для экономических отношений. «Без свободы человек не мог бы быть человеком в полноте и силе его свойств, — он мог бы быть лишь высшим животным, живущим по инстинктам; лишь в свободе раскрывается наша воля, лишь на просторах свободы зреет в духе творчество идей, развиваются художественные, моральные, религиозные движения», — писал самый, пожалуй, известный знаток русской философии, автор фундаментального труда «История русской философии» В. В. Зеньковский. При этом он подчеркивал, что «неверно думать, что мы владеем нашей свободой — она нам дана, но если мы не пребываем в истине, нами завлекают страсти, — и такая «стихийная» свобода обычно ведет ко злу» [13].

Слово «либерализм» давно уже потеряло всякое обаяние, хотя происходит от прекрасного слова «свобода», писал Н. Бердяев. Либеральная идеология, зародившаяся в умственной атмосфере XVIII в., была проникнута верой в естественную гармонию свободы и равенства, во внутреннее родство этих начал. Вместе с тем, отмечал он, весь XIX век разбивал иллюзии этой естественной гармонии. «Никогда не может быть замирения между притязаниями личности и притязаниями общества, между волей к свободе и волей к равенству. Отвлеченный либерализм также бессилен разрешить эту задачу, как и отвлеченный социализм. Это квадратура круга... Свобода есть прежде всего право на неравенство. Свобода живого существа, а не математической точки, осуществляется в качественном различении, в возвышении, в праве увеличивать объем и качество своей жизни. Духовная соборность разрешает эту квадратуру круга» [11].

Поскольку либерализм противопоставляет себя «историческому» и обосновывает себя на «естественном», он вырождается в отвлеченной пустоте. Но в либеральной чистоте и пустоте невозможно удержаться. «Или либерализм бывает осложнен началами консервативными, и тогда он более глубок и крепок. Или он бывает осложнен расплывчатыми демократическими, социалистическими или анархическими началами, и тогда он порождает пошлый и рыхлый тип радикала», — писал Н. А. Бердяев [11]. Он говорил, что хозяйство нельзя мыслить себе атомистически. Утверждение личности в хозяйственной жизни не означает непременно экономического индивидуализма. Всякое хозяйство есть организованный труд, есть регуляция стихийных сил. Хозяйство есть взаимодействие рациональных и иррациональных сил. Интересно, что мировые экономические учения, пройдя долгий путь развития и улучшений, коррелируют с упомянутыми выше философскими умозаключениями.

Развитие рынков сквозь призму экономических учений [6]

Человечество заселило всю планету, проникло в космос и в глубины Земли. Авиация объединила мир, компьютеры и компьютерные сети расширили возможности доступа каждого к информации, развиваются энергетические системы и новые источники энергии, усилились политические и экономические связи между разными странами. Многие из характеристик современного глобального мира были предвосхищены в трудах мыслителей и практиков прошлого, ими был указан ряд конкретных условий, необходимых для их становления и существования. Происходящим ныне и происходившим ранее в истории масштабным технологическим и экономическим сдвигам соответствовали и изменения в законодательстве. Правила защиты свобод и прав, а через них развитие рыночных отношений и конкуренции способствовали успешному экономическому развитию.

Считается, что первые идеи относительно современного конкурентного законодательства появились в течение XVIII в., начиная с таких работ, как «Богатство народов» Адама Смита. «Каждый индивидуум ни планирует способствовать общественному интересу, ни знает, насколько он способствует этому... ведомый невидимой рукой рынка... следя своему собственному интересу, он зачастую способствует тому, что для общества более хорошо, чем когда он в реальности планирует это достичь» [14], — такова одна из главных идей великого шотландца, которая затем была положена в основание большинства последующих трудов по экономике в мире. Эта идея помогает объяснить, почему свободный рынок стал настолько важным для развития сложного современного общества. В то же время проводится различие между «собственным интересом» (self-interest) и «себялюбивой жадностью» (pure selfish greed), отмечается, что в нашем общем интересе «невидимая рука рынка» должна быть защищена законом.

Этот подход со временем эволюционировал. Т. Веблен писал, что Адам Смит, Давид Рикардо и Альфред Маршалл пытались истолковать основные экономические явления, но лишь с помощью сил, которые в их представлении неотвратимо вели экономику к нормальному состоянию равновесия. В этой экономической теории не было места для развития. Классическая доктрина пыталась исследовать «статическое состояние», в то время как надо исследовать институциональный рост. Идеи нормальности и упорядоченности требовали использования гипотетической картины, которая в конечном итоге вела к концепции идеального государства. Т. Веблен говорит об «отрыве от жизни» западных теоретиков на примере «представительной фирмы» Маршалла [15]. Подобным грешат и в отечественной практике, используя мало связанные с жизнью понятия, такие как «современный функци-

Теоретические основы государственной антимонопольной политики...

циональный эквивалент», «альтернативная котельная», «эталоны затрат».

По Б. Селигмену, крайней версией сценария «развращения» экономической истории экономической теорией было превращение этой науки во второсортный раздел прикладной экономики чикагского толка. Между тем человек экономический (*homo economicus*) не эквилибрист, балансирующий между удовольствием и страданием, он не настолько разумный, не настолько корыстный, как представляли себе классики, а также и не молниеносный счетчик, подобно билльярдисту М. Фридмана [15].

Разделение труда помогло движению Первой промышленной революции и позволило всему миру существенно повысить производительность и богатство. Разделение труда, по мнению Смита, может вести к примитивной, повторяющейся ежедневно работе и, как следствие, — к проблеме «умственных увечий» рабочих. А по предсказанию Маркса, это ведет к восстанию рабочих против работодателей. Для становления же современных рыночных институтов принципиальным является утверждение Людвига фон Мизеса о том, что «как только было осознано, что разделение труда является сущностью общества, ничего не осталось от противопоставления между индивидуальностью и обществом. Противоречие между индивидуальным принципом и социальным принципом исчезло»⁴.

По Э. Тофлеру, индустриализации была свойственна вертикальная иерархия, в постиндустриальном же обществе создаются горизонтальные, сетевые связи и альтернативные структуры, а потребители начинают играть активную просьюмерскую (пропотребительскую) роль⁵.

Закон сравнительного преимущества Д. Рикардо показывает, что когда страны, компании или люди торгают друг с другом, это может вести к победителям с обеих сторон (*win-win*). К. Виксель, в свою очередь, отмечал, что даже в тех случаях, когда можно говорить о совершенной конкуренции, не может быть достигнуто максимальное удовлетворение потребностей, для этого требуется более справедливое распределение дохода⁶.

Т. Пикетти считает, что процессы накопления и концентрации имущества на фоне слабого экономического роста, щедрых вознаграждений топ-менеджерам (массовых, но достаточно локализованных) и высоких доходов с капиталов ведут к увеличению и расширению неравенства в долгосрочной перспективе. Силы же расхождения и неравенства доходов имеют дестабилизирующий характер [17].

По Г. Мюрдалю, определяясь с условиями современного общества, необходимо определиться с суждениями о ценностях и их ролью. Система ценностей оказывает влияние на взаимосвязанные между собой предсказание будущих событий и содержание намечаемых планов и программ действий, предполагающих решение проблем хозяйственной деятельности. Система ценностей способствует кумулятивному развитию, когда процессы, раз начавшись, создают условия для последующего развития [15].

Современная цифровая экономика в условиях минимальных транзакционных издержек делает рынки глобальными. Но глобализация рынков — это далеко не новое понятие в истории экономических отношений. Хотя использование этого термина стало превалирующим после 1980-х, и широко распространено мнение о том, что окончание холодной войны считается точкой кульминации для глобализации, это очень далеко от времен первой эры широкого распространения международной торговли, коммерции и миграции. Глобализация стала приобретать важное значение с 1492 г., года, когда Колумб открыл Америку, — пишет автор бестселлера о 50 наиболее значимых за всю историю экономических идеях Э. Конвэй⁷. Впрочем, и он отмечает, что «тем не менее, энергичная международная торговля между Европой и Востоком существовала задолго до этого события».

Есть значимые примеры событий глобальной экономики, происходивших как до, так и после открытия Америки. Достаточно вспомнить торговлю по Великому шелковому пути, историю освоения Сибири, последовавшую вслед за ней торговлю по Великому чайному пути [15]⁸, а также историю множества других, может быть, менее масштабных торговых перекрестков.

Д. Коммонс, знаток юриспруденции, экономики, истории, психологии, этики и политики, называл политическую экономию наукой о человеческой культуре⁹. Ее основное понятие есть понятие сделок, в которых общественные оценки стоимости благ являются средством обеспечения стабильности в обществе. Им введены понятия «действующий коллективный институт» (*going concern*), «рыночная сила» (*bargaining strength*), «сделки», давшие точные характеристики экономического поведения в обществе. По Д. Коммонсу, коллективные действия — единственный способ примирения противоречивых интересов через юридическую процедуру, через суды: «Верховный суд — первая кафедра политической экономии в Соединенных Штатах» [20].

⁷ Там же.

⁸ См. также: <http://www.baikal-irkzem.ru/writers-corner/natvorcheskoy-polose/a-n-golomolzin-zapiski-po-otechestvennoy-istorii/>

⁹ Джон Р. Коммонс — автор книг «Распределение богатства», «Правовые основания капитализма», «Институциональная экономика», «Экономика коллективных действий».

⁴ 50 economics ideas you really need to know / Edmund Conway. London: Quercus Publishing, 2009. 208 p.

⁵ <https://gtmarket.ru/library/articles/2503>

⁶ 50 economics ideas you really need to know / Edmund Conway. London: Quercus Publishing, 2009. 208 p.

Опыт советского периода: системный подход, балансы, цены, математическое моделирование в экономике

Передовые наработки в России в сфере современной экономической мысли не прерывались в течение всего XX в., в том числе от начала до конца советского периода¹⁰. В эпоху экономики цифровых алгоритмов нужно помнить и знать, что широкое международное признание получили отечественные работы по системному анализу функционирования и развития народного хозяйства, проблемам экономико-математического моделирования.

Системный подход как научная методология, основанная на диалектической логике, закономерно начал развиваться в начале XX в., когда была раскрыта несостоительность механистических представлений о том, что мир состоит из отдельных разрозненных элементов, находящихся в неизменном постоянстве. В этот же период развитием научного знания была показана недостаточность исследований сложных объектов разложением их на отдельные части и отыскания свойств целого из свойств его частей. Системный подход исходит из рассмотрения: *мира в виде единого развивающегося целого; анализируемых объектов как целостного множества элементов, обладающего особыми свойствами, несводимыми к сумме свойств входящих в него элементов* [18].

«И вместе с ростом приложения научного знания к жизни, к технике, к медицине, к государственной работе создаются в еще большем числе, чем в новых областях науки, новые прикладные науки; появляется новая методика и быстро создаются новые приложения и выдвигаются новые проблемы и задания техники... Как раз эти новые области научного знания чрезвычайно расширяют и углубляют прикладное значение науки, ее значение в ноосфере¹¹», — писал В. И. Вернадский. В трудах академика указаны условия, необходимые для становления и существования ноосферы [19]. Многие из них предвосхитили характеристики современного глобального мира.

¹⁰ По-разному сложилась судьба тех, о ком говорится в настоящей статье и кто принес несомненную пользу стране в советское время. Некоторые из них были репрессированы и погибли (среди них о. П. Флоренский, Н. Д. Кондратьев) или эмигрировали (Н. Н. Бердяев, В. В. Леонтьев, В. В. Зеньковский, о. С. Булгаков и др.), кто-то получил престижные отечественные и зарубежные премии (nobелевские лауреаты В. В. Леонтьев и Л. В. Канторович, лауреаты различных государственных премий СССР В. И. Вернадский, В. В. Но-вожилов, В. С. Немчинов, Л. В. Канторович, Л. А. Мелентьев), кто-то занимал важные посты в органах власти (Н. Д. Кондратьев, В. И. Вернадский, Г. М. Кржижановский, П. И. Попов).

¹¹ Ноосфера — биосфера, переработанная научной мыслью. В первый раз публично термин «ноосфера» Вернадский использовал в 1937 г. в докладе «О значении радиогеологии для современной геологии» на Международном геологическом конгрессе. По мнению В. В. Зеньковского, ноосфера — это духовная жизнь в человечестве.

Выдающиеся теоретические достижения В. И. Вернадского реализовывались в не менее значимые достижения в экономическом развитии и обеспечении безопасности страны. По инициативе Вернадского в 1915 г. была создана и в течение 15 лет им возглавлялась Комиссия по изучению естественных производительных сил (КЕПС). Наработки, сделанные отделом энергетики КЕПС с 1916 г., позднее были положены в основу разработки плана электрификации страны — ГОЭЛРО, разработанного под руководством группы ведущих ученых и инженеров во главе с Г. М. Кржижановским.

Системный подход, реализованный по плану ГОЭЛРО в рамках *взаимоувязанной комплексной программы развития и функционирования* сфер деятельности в области топливных и водных ресурсов, транспорта, сельского хозяйства и промышленности, обеспечил на практике ускоренное развитие экономики страны, кардинальную ее модернизацию и повышение производительности труда и уровня жизни на основе электрификации [20]. В дальнейшем реализация плана ГОЭЛРО оказалась полезной как для создания научных основ энергетики, в т. ч. развития учения об едином энергетическом балансе страны, так и для решения крупнейших проблем ТЭК, включая создание Единой электроэнергетической системы, Единой системы газоснабжения, развития теплофикации, ядерной энергетики и других [21].

В 1925 г. Н. Д. Кондратьевым была опубликована работа *Большие циклы конъюнктуры*, которая сразу стала известной сначала в СССР, а затем и за границей. Концепция «длинных волн» стала особенно популярна в мире во второй половине XX в., когда экономисты начали уделять особое внимание глобальным и долгосрочным тенденциям хозяйственной жизни. По мере роста культуры и техники темп и значение изменений экономической жизни возрастают, соответственно, считал Кондратьев, изменчивость и превратность условий экономической жизни приобрели совершенно исключительную стремительность. Вот почему к экономической жизни можно и должно подходить и с динамической точки зрения, т. е. мыслить ее в условиях процесса изменений. Для этих целей были сформулированы понятие и метод анализа конъюнктуры рынков, связанные с колебательным изменением элементов хозяйства и их совокупности [22]. Кондратьев известен и как практик, под руководством которого был разработан перспективный план развития сельского и лесного хозяйства РСФСР на 1923—1928 гг. («сельскохозяйственная пятилетка Кондратьева»), основанный на *принципе сочетания плановых и рыночных начал*. Предложенная им концепция планирования предполагала сбалансированный и одновременный подъем как промышленного, так и аграрного сектора¹².

¹² <https://www.krugosvet.ru/enc/kondratiev-nikolay-dmitrievich>.

Теоретические основы государственной антимонопольной политики...

Об актуальных проблемах хозяйственной практики времен НЭПа говорится в цикле статей В. В. Новожилова [23], опубликованных в 1922—1928 гг. Он, в частности, критически оценивал господствовавший тезис о низких ценах, которые делают товары более доступными, что является преимуществом плановой экономики. Новожилов полагал, что цены, устанавливаемые ниже равновесного уровня, ведут не к росту благосостояния, а к появлению дефицита и тесно связанных с ним явлений — «черного» рынка, коррупции. Доступными, писал он, товары становятся для тех, «кто стоит близко к источникам товарного потока». Понятно, что эта тематика актуальна и поныне.

Принципы решения проблем измерения затрат и их результатов, предложенные В. В. Новожиловым, вошли в отечественный фонд классической экономической литературы [24]. Помимо разработки и развития теории оценки хозяйственной деятельности, подходов к ценообразованию, эффективности инвестиций в новую технику, экономической кибернетики отмечается вклад В. В. Новожилова в разработку *концепции экономической реформы*, развитию рыночных регуляторов и вообще теории рынка¹³.

В 1926 г. была опубликована работа «Баланс народного хозяйства СССР», выполненная ведущими отечественными специалистами в области статистики и макроэкономического анализа под руководством первого управляющего ЦСУ П. И. Попова. Эта работа послужила прообразом нового направления в системе балансовых построений, стала феноменом, не имевшим аналогов в мировой статистике. Указанная таблица (она же «асимметричная матрица») отображала важнейшие межотраслевые связи на основе как теоретических представлений о границах производства марксистской политэкономической школы, так и теории всеобщего равновесия Леона Вальраса. Слабость информационно-статистической базы 20-х гг. прошлого столетия затормозила применение этого метода в России.

Впоследствии американским экономистом (выпускником Санкт-Петербургского университета) Василием Леонтьевым были сформулированы теоретические основы метода «затраты-выпуск», позволившие реализовать идею линейной математической зависимости в межотраслевых связях. Этот метод был успешно реализован В. Леонтьевым в 1930-х гг. при построении первых таблиц «затраты-выпуск» США за 1919 и 1929 гг. по 44 отраслям экономики. С середины 1950-х гг. идеи в области анализа «затраты-выпуск» приобрели мировое признание и известность, а В. Леонтьев в 1973 г. получил Нобе-

левскую премию по экономике. Вслед за США, Францией, Нидерландами, Норвегией, Австралией таблицы «затраты-выпуск» стали строиться более чем в 90 странах мира в качестве важнейшего метода экономического планирования и государственной бюджетной политики.

В нашей стране полномасштабный межотраслевой баланс производства и распределения продукции в народном хозяйстве СССР был реализован в 1959 г. Балансы за этот и последующие годы были разработаны на основе экономико-математических моделей. Пионером в области экономической кибернетики, применения ЭВМ для разработки оптимальных народнохозяйственных планов является академик В. С. Немчинов. Развитие им динамической модели межотраслевого баланса стало новаторским в отечественной науке и предвосхитило многие идеи зарубежных ученых [25].

Мировую известность среди ученых, работавших в области экономической математики, получил академик Л. В. Канторович, фактически создавший новое направление в науке под названием «линейное программирование»¹⁴. Он стал единственным отечественным обладателем Нобелевской премии по экономике (в 1975 г. вместе с Т. К. Купманом «за вклад в теорию оптимального распределения ресурсов»)¹⁵. На церемонии вручения премии представитель Шведской королевской академии наук отметил: «Основные экономические проблемы могут изучаться в научном плане, независимо от политической организации общества, в котором они исследуются».

Смешанная экономика и государство, развивающее рынки

Свободного рынка в современных экономиках, например, США, Британии, других европейских стран, не существует, считает Эдмунд Конвэй. По его мнению, у большинства ведущих стран в действительности немного меньше свободного рынка, чем это было несколько столетий назад. Ситуацию в этих странах, а также во многих других частях развивающегося мира правильнее описать как «смешанная» экономика, где комбинируется свободный рынок с государственными интервенциями. Невмешательство государства в дела бизнеса (*laissez-faire — let them do as they choose*) никогда не существовало, подчеркивает Э. Конвэй¹⁶.

¹⁴ Впервые этот метод был изложен в брошюре «Математические методы организации и планирования производства», вышедшей в ЛГУ в 1939 г.

¹⁵ Ранее за решение проблем измерения затрат и их результатов, разработку методов линейного программирования и экономических моделей В. В. Новожилов и академики Л. В. Канторович и В. С. Немчинов были удостоены Ленинской премии (1965).

¹⁶ 50 economics ideas you really need to know / Edmund Conway. London: Quercus Publishing, 2009. 208 p.

¹³ Развитие экономической мысли в работах Л. В. Канторовича, В. С. Немчинова, В. В. Новожилова, А. И. Абалкина, Ю. В. Яременко, https://studme.org/72037/politekonomiya/razvitiye_ekonomicheskoy_mysli_rabotah_kantorovicha_nemchinova_novozhilova_abalkina_yaremenko

«Склеротические» тенденции, связанные с торможением экономического роста из-за картелизации и действия групп давления, не являются особенностью развивающейся экономики, они возникают и в стабильных демократиях, писал М. Олсон. Государство должно быть достаточно сильным, чтобы создать и защищать права частной собственности и обеспечивать соблюдение договоров, но при этом должно стремиться своими собственными действиями не нарушать эти права, то есть быть *государством, развивающим (преумножающим) рынки (market-augmenting government)*. В большинстве процветающих стран рынки капитала, страхования, фьючерсов и производных ценных бумаг столь многочисленны и важны, а капиталоемкое и широкомасштабное производство ведется корпорациями с таким размахом, что в этих странах государство должно порождать больше рынков, чем подавляет или вытесняет [26].

Кардинальные изменения в технологической, экономической и социальной сфере проявлялись, в частности, в промышленной революции (термин впервые введен А. Тойнби). Й. Шумпетер¹⁷ предложил теорию «эффективной конкуренции», согласно которой рыночный механизм в эпоху «большого бизнеса» является плодом взаимодействия сил монополии и конкуренции, базирующихся на нововведениях и придающих особый динамизм циклического экономическому развитию. Изменения ведут к экономическому росту, корни которого, по мнению Й. Шумпетера, лежат в неравномерном циклическом движении. Толчок же развитию дают нововведения, которые не тождественны изобретениям, а представляют собой категорию предпринимательской деятельности. За новаторами, доказавшими прибыльность новых технологических процессов, следует резкий рост инвестиций, меняющий решающие факторы экономики. Синхронные движения, приводящие к последовательной смене фаз процветания, депрессии и равновесия, у Й. Шумпетера описываются с использованием схемы трех циклов Н. Кондратьева, К. Жуглара и Дж. Китчина соответственно с периодами в 55 лет, 10 лет, 2 года и 4 месяца. Каждый цикл Кондратьева содержит несколько циклов Жуглара, а каждый цикл Жуглара — несколько циклов Китчена [15].

В ХХ в. Й. Шумпетер говорил, что в результате технического прогресса функции предпринимателя, движимого ранее чувством пуританского индивидуализма, по внедрению новшеств значительно сузились до простой рутины — бюро и комитеты заменили индивидуальные действия. Экономические исследования организации промышленности показали, что экономическая теория не поспевала за изменяющейся об-

становкой XX в. Ф. Цойтен считал, что экономическая теория должна исследовать олигополию, двустороннюю монополию и отношения между экономическими группами [15].

В экономике XXI в. многие сектора — телеком, медиа, цифровые платформы (от социальных сетей до интернет-поиска), фармацевтика, аграрное производство и многие другие — не могут быть поняты, если смотреть на них через призму свободной конкуренции. В этих секторах преобладающей формой конкуренции является олигополия, писал Дж. Стиглиц [27]. Она, видимо, удовлетворительно решает экономические задачи в этом худшем из возможных миров, говорил Дж. Гэлбрейт, но в условиях олигополии развитие новых сдерживающих факторов возможно не в лице соперников, а на противоположной стороне рынка, где находятся покупатели [28].

Представители чикагской школы считали, что рынки изначально конкурентны и что правительства не должны вмешиваться в целях защиты конкуренции. По мере роста влияния чикагской школы суды следовали этой доктрине, даже несмотря на применение «правила разумности» при балансировании эффективности и антиконкурентных эффектов. К примеру, монопольно высокие цены не считались проблемой с учетом низких барьеров входа на рынки. Следствием такого подхода стало расходжение теории с практикой, когда раз за разом возникал вопрос существования рыночной власти, а также антиконкурентного поведения фирм, злоупотребляющих этой властью. Современная экономическая теория (включая достижения, связанные с пониманием асимметричности информации и с теорией игр) отвергла большинство из положений чикагской школы, писал нобелевский лауреат Дж. Стиглиц [27]. Он говорил, конечно, излишне категорично, но оправданно в дискуссии с представителями чикагской школы с их не менее крайними позициями, что даже конкурентные рынки не эффективны, а «невидимая рука рынка» Адама Смита потому и невидимая, что ее не существует. Рынки не являются конкурентными в общем случае, существует широкий набор механизмов, благодаря которым рыночная власть возникает, поддерживается и расширяется.

«Цифровая рука рынка»

Современная интерпретация «невидимой руки» рынка от Адама Смита становится центральной в изменении применения антимонопольного законодательства. Конкуренция, как «невидимая рука рынка», которая справедливым образом распределяет жизненные блага, защищается во многих секторах «цифровой рукой». И если невидимая рука, по Адаму Смиту, приводилась в движение природными силами, то «цифровая рука», будучи сделанной человеком, может стать средством манипулирования, как считают М. Штуке и А. Израши [29]. С возрастанием значения Большых Данных и Большой

¹⁷ Й. Шумпетер является автором ряда трудов, включая «Теорию экономического развития», «Экономические циклы», «Капитализм, социализм и демократия».

Теоретические основы государственной антимонопольной политики...

Аналитики фирмы-гиганты не просто следуют нам и нашим потребностям. Используя современные алгоритмы, компании вовлекаются в обработку данных, торговлю данными, определение модели поведения, оценку потребления и оптимизацию цен. Наше поведение определяется, а предпочтения переключаются индивидуальным стимулированием, чтобы помочь нам сделать правильный выбор. Но правильный для кого? Если, по мнению А. Смита, примитивная, повторяющаяся в условиях разделения труда ежедневная работа приводила к проблеме «умственных увечий» рабочих, то не может ли индивидуальное стимулирование транснациональных супергигантов привести к «умственным увечьям» еще и потребителей?

90% американцев чувствуют, что они потеряли контроль над тем, как собираются и используются их персональные данные в Интернете. Сегодня данные стали валютой, которая обеспечивает нас «бесплатными» онлайн-сервисами и современным Интернетом. Мы принимаем «стоимость» этой «бесплатности». И мы понимаем, что стоимость сейчас очень высока и что мы потеряли контроль над ней. Многие из нас не знают, какие данные о нас собираются, как их используют, когда, кем и для каких целей. Официальные власти США считают, что имеет место «возрастающий потенциал для аналитики больших данных на воздействие на окружающую каждого человека среду или решения, которые принимаются в отношении его или ее жизни». Аналогичная позиция у европейских властей: «Государства и компании способны двигаться за пределы “обработки данных” к “обработке реальности”, которые проникают в ежедневный опыт, коммуникации и даже мысли».

Управляемые современными компьютерными алгоритмами платформы расширяют и расширяют использование своих цен в качестве ориентиров для цен рынка в целом. Юбер, Гугл, Эппл, Амазон могут создавать экономику, которая планируется не только их бюрократами или руководителями, но и их техноструктурой. Если это так, если частные фирмы могут с помощью Больших Данных или Большой Аналитики устанавливать цены, может ли государство использовать те же самые алгоритмы, чтобы отслеживать секторальные цены или даже устанавливать конкурентные цены? Почему Юбер, не имея машин или водителей, может устанавливать цены, а государство нет?

Последователи чикагской школы в ее классической и неоклассической интерпретациях, нацеленные на устранение или минимизацию участия государства в экономике, теряют свои позиции в мире. Регулирование не должно оставаться «замаранным чикагскими мальчиками» словом. Интеллектуальное (смарт) регулирование в богатом данными мире может вполне показать свою эффективность, считают А. Израши и М. Штуке [29].

Другой вопрос, и с него мы начали эту статью, состоит в том, что умения следовать в этих целях вы-

бранным алгоритмам в современном богатом данными мире недостаточно. Мы должны быть уверены, что используем «цельное знание», которое вместе с «цельным творчеством» образует в «цельном обществе» «цельную жизнь». Чтобы сделаться знанием конкретным и живым, оно должно из пассивного умозрительного объяснения стать проективным — будущим проектом общего дела.

Выводы

Вопросы защиты и развития конкуренции являются важными для экономического развития. Решать их нужно, опираясь на непреложные истины и учитывая новые парадигмы. Эта проблематика не может ограничиться анализом норм антимонопольного законодательства, направлениями его совершенствования и правоприменимой практики. Ситуация в мировой и национальной экономике в условиях масштабного развития инноваций, особенно в информационной сфере, заставляет по-новому осмыслить и подходы в сфере экономического анализа, и ситуацию на рынках.

Антимонопольная политика на современном этапе должна стать сферой приложения интеллектуального регулирования. Умения следовать в этих целях выбранным алгоритмам в современном богатом данными мире недостаточно. Системные подходы в формировании и проведении антимонопольной политики должны основываться на истории и практике, а также оценках перспектив экономического развития на очередном этапе смены технологических укладов. Делать это нужно исходя из понимания базовых ценностных установок и философии живой жизни, основываясь на фундаментальных экономических учениях и улавливая при этом тренды и новые концепции, осознавая базовые принципы и изменения в государственном управлении (регулировании), последовательно выстраивая и развивая систему законодательства.

Недопустимо решать сложные вопросы экономического развития на основе абстракций, упрощенных формул или формулировок, оторванных от реальной жизни. Необходимо опираться на философию, основой которой является включенность познания в наше отношение к миру, в наше «действование» в нем. Нужна не только логика идей, а система знания, дающего ответы на запросы практической жизни. Философская мысль, признавая софийность хозяйства (включенность познания в наше отношение к жизни), движется в направлении историзма и экономизма, превращая знания в «проект лучшего мира».

Свобода, либерализм — это краеугольное философское и духовное понятие, значимое и для экономических отношений. Человек, а не простой оборот товаров и услуг, должен стоять во главе хозяйственных отношений. Понимание «невидимой руки рынка» взаимосвязано

с интуицией целостного бытия. Существуют неразрывная целостность «доступного» и «недоступного» (непостижимого) знания о предмете и представление хозяйства через взаимодействие рациональных и иррациональных сил.

Свобода предпринимательства не основана исключительно или преимущественно на философии экономического индивидуализма. Личность в хозяйственной жизни не означает непременно экономический индивидуализм. Не нужно противопоставлять индивидуальность и общество и понимать при этом связь личности с мировым целям. С осознанием того, что разделение труда является сущностью общества, не стало экономических оснований для противопоставления индивидуальности и общества.

Хозяйственная деятельность проявляется в предложении рынку качественно отличающихся товаров, в стремлении в условиях конкуренции улучшать качество своей жизни. Притязания личности и воля к свободе всегда будут соотноситься с притязаниями общества и стремлением к равенству. «Оправдание» либерализма происходит тогда, когда он является не отвлеченным, а обусловленным духовными ценностями. Система ценностей способствует кумулятивному (устойчивому) экономическому развитию.

В смешанной экономике не существует невмешательства государства в дела бизнеса (*laissez-faire*), при этом государство должно быть *государством*, развивающим (преумножающим) *рынки* (*market-augmenting government*). Системный анализ, долгосрочное планирование функционирования и развития народного хозяйства, наработки в области экономико-математического моделирования должны быть задействованы. Во многих секторах экономики преобладают олигополии, в условиях которых развитие рынков обеспечивается не только за счет вхождения новых конкурентов и стимулирования конкуренции существующих, а за счет сдерживающей силы покупателей. Динамичность и инновационное развитие становятся одними из важнейших характеристик рынков, необходимо сочетание мер защиты прав новаторов технологических рынков и недопустимости ограничения конкуренции и злоупотребления правом, в том числе правом интеллектуальной собственности.

В индустриальном мире в силу высоких транзакционных издержек всеединство материального мира лишь угадывалось. Современный уровень обмена информацией и цифровая трансформация в условиях минимальных транзакционных издержек делают глобальность и взаимосвязь рынков понятными каждому. Стираются границы между международными, оптовыми и розничными рынками, онлайн- и офлайн-торговлей.

Построение бизнеса на основе цифровых платформ, пулов прав интеллектуальной собственности, технологий адресного маркетинга, с одной стороны, и трансформации (в условиях экспоненциального роста информа-

ции) мышления, психологии и восприятия потребителей, с другой, создают принципиально новые условия для балансирования спроса и предложения. Цифровая экономика создает качественно новые возможности для развития экономики, вместе с тем недопустима подмена «невидимой рукой рынка» «цифровой рукой рынка». Государства и компании способны двигаться за пределы «обработки данных» к «обработке реальности», что может ставить под угрозу фундаментальные права и свободы. В цифровой экономике интеллектуальное регулирование может быть эффективным, если оно осуществляется в интересах личности, общественности и государства. ■

Литература

1. Потапова П. Ничего не помню, ничего не знаю. Почему мы все страдаем от клипового мышления? // Republic.ru. 24.07.2017.
2. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. Ozon.ru. Дата обращения: 22.05.2019.
3. Тоффлер Э. Третья волна. М., 2010.
4. Докука С. В. Клиповое мышление как феномен информационного общества. <http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/05/1251193783/169-176-Dokuka.pdf> (Дата обращения: 15.05.2019).
5. Соловьев В. С. Собр. соч.: в 10 т. / Под ред. и с прим. С.М. Соловьева и Э.Л. Радлова. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение», 1911—1914.
6. Голомолзин А. Н. Познать истину. М.: БУКСТАР, 2016. 880 с.
7. Зеньковский В. В. История русской философии. В 2 т. Л.: ЭГО, 1991.
8. Федоров Н. Ф. Из «Философии общего дела». Сб. избр. соч. Новосибирск: Кн. изд-во, 1993. 214 с. (По публикации: Федоров Н. Ф. Философия общего дела. Т. 1. Верный, 1906; Т. 2. М., 1913).
9. Флоренский П. А. Общечеловеческие корни идеализма. Сергиев Посад, 1909. С. 11.
10. Булгаков С. Н. Философия хозяйства. М.: Наука, 1990. 413 с.
11. Бердяев Н. Судьба России: Сочинения. М.: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио, 1998. 736 с. (Серия «Антология мысли»).
12. Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. М.: АСТ: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. 510 с.
13. Зеньковский В. В. Апологетика. Париж, 1957.
14. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов: [В 3 т.] / А. Смит; Пер. П. А. Бибикова. СПб.: Тип. И. Глазунова, 1866. 612 с.
15. Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли. М.: Прогресс, 1968. 600 с.

Теоретические основы государственной антимонопольной политики...

16. Томас Пикетти. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. 592 с.
17. Голомолзин А. Н. Записки по отечественной истории // БТИ. 2013. № 8. С. 3—8. № 9. С. 3—11. Об истории освоения Сибири и развития Великого чайного пути.
18. Мелентьев Л. А. Системные исследования в энергетике. Элементы теории, направления развития. Изд-е 2-е, доп. М.: Наука, 1983. 455 с.
19. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
20. Мелентьев Л. А. Оптимизация развития и управления больших систем энергетики: Пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1976. 336 с.
21. «Очерки истории отечественной энергетики». М.:?
22. Кондратьев Н. Д., Яковец Ю. В., Абалкин Л. И. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. Избранные труды. М.: Экономика, 2002.
23. Новожилов В. В. У истоков подлинной экономической науки. М.: Наука, 1995. 234 с. (серия «Памятники экономической мысли»).
24. Новожилов В. В. Проблемы измерения затрат и результатов при оптимальном планировании. М.: Экономика, 1967. 376 с.
25. Немчинов В. С. О дальнейшем совершенствовании планирования и управления народным хозяйством, 1963.
26. Олсон М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012. 212 с.
27. Stiglitz Joseph E. Towards a Broader View of Competition Policy // Competition Policy for the New Era: Insights from the BRICS Countries / Ed. by Tembinkosi Bonakele, Eleanor M Fox, Liberty Mncube. Oxford, University Press, 2017. 270 р.
28. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество (The New Industrial State (1967)). ACT, 2004. 608 с.
29. Ariel Ezrachi, Maurice E. Stucke. Virtual Competition: The Promise and Perils of the Algorithm-Driven Economy Hardcover. 2016.

Сведения об авторе

Голомолзин Анатолий Николаевич: кандидат технических наук, заместитель руководителя ФАС России
Контактная информация:
Адрес: 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 11
Тел.: +7 (499) 755-23-23
E-mail: delo@fas.gov.ru